

An impressionistic painting of a rural landscape. In the foreground, there are several large haystacks covered in green grass and some scattered leaves. The ground is a mix of green and brown, suggesting a field. In the middle ground, there is a small house with a red roof, surrounded by trees and bushes. The background shows a hazy, blue sky with some white clouds. The overall style is soft and painterly, with visible brushstrokes.

Евгений Третьяков-Беловодский

При капельки йода

Детская литература

Евгений Третьяков-Беловодский

**Три капельки йода.
Детская литература**

«Издательские решения»

Третьяков-Беловодский Е. Ю.

Три капельки йода. Детская литература / Е. Ю. Третьяков-Беловодский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832950-0

Приключения двух друзей, необыкновенные и увлекательные. Скучать не придется. Они необыкновенные выдумщики и это, порой, им выходит боком. Но фортуна им благоволит и из всех передраг они выходят победителями.

ISBN 978-5-44-832950-0

© Третьяков-Беловодский Е. Ю.
© Издательские решения

Три капельки йода Детская литература

**Евгений Юрьевич
Третьяков-Беловодский**

© Евгений Юрьевич Третьяков-Беловодский, 2017

ISBN 978-5-4483-2950-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гипноз

Эта необычная история началась на уроке труда. Под руководством преподавателя Пал Никитича мужская половина нашего класса делала разделочные кухонные доски.

Эти доски, – говорил Пал Никитич, прохаживаясь между верстаками и зорко поглядывая на нас, – подарите своим мамам на 8-е Марта.

Мы по заранее проведенным контурам отпиливали лобзиком все ненужное, затем вставляли доски в большие громоздкие тиски и зачищали края напильником. После того, как все заусенцы и шероховатости были сняты, в дело вступала наждачная бумага, или, как мы ее называли, «шкурка». Обработанная ею доска делалась белой и гладкой.

Пал Никитич подходил к закончившим работу и гладил их изделия рукой.

Хорошо, – говорил он иным и цокал. – Ещё «шкурочкой» погладь, – бросал другим и шел дальше.

Мой дружок Колька, стоящий за соседним верстаком, от усердия высунул язык, на который липла древесная пыль.

Когда Пал Никитич подошел к нему, он уже вынул свою доску из тисков и гладил ее, словно котенка, закрыв глаза.

Молодец! – похвалил его учитель. – Хорошо обработал.

А теперь самое главное, – сказал Пал Никитич в конце урока. – Доска – это полдела. Её ещё надо разукрасить. – Он замолчал, обводя глазами класс. – У кого какие мысли есть на эту тему?

Несколько минут длилось молчание, потом робкий голос Димки Нефедова произнес: – Может, краской раскрасить?

Что на этой доске делают? – спросил его Пал Никитич.

Ну... – замялся Димка, – режут там... всякие овощи, колбасу.

И мясо! – выкрикнул Колька.

Вот! – поднял вверх указательный палец Пал Никитич. – Доска в большинстве случаев сырая, – сказал он непонятную фразу, а потом пояснил: – На доске режут различные овощи, опять же – мясо, доску моют, то есть она постоянно контактирует с водой. Стало быть, краска твоя, Нефедов, непременно с доски смоеется. Понял?

Димка кивал головой.

А если увеличительным стеклом выжечь узоры? – закричал, озаренный догадкой, Колька.

Правильно. Вот этим вы и займетесь дома... Но! Сначала нарисуйте на доске узоры карандашом. Кто какие захочет, и у кого на сколько хватит выдумки. А уж затем по ним аккуратно выжигайте.

А у кого нет увеличительного стекла? – раздался голоса.

У кого нет, можно раскаленным гвоздем. Зажмите его в плоскогубцах, разогрейте на газовой плите, а затем... Но предупреждаю! – прервал свою речь Пал Никитич, – лучше это делать под присмотром родителей.

Домой мы шли, как всегда, не торопясь. Пускали в ручьи бумажные кораблики, сделанные заранее на последнем уроке. Колька свой даже раскрасить умудрился и теперь ревниво наблюдал, как он соревнуется с моим.

Мой кораблик был поменьше и поэтому все время обгонял его. Колька сердился, забежал вперед, отпуская кораблик в метрах трех от моего. Но мой все равно догонял Колькин.

Неудачный! – сказал Колька про него и раздавил корабль ногой.

Он на ходу открыл портфель, вытащил доску и стал ею любоваться.

Во сколько начнем? – обратился он ко мне.

Надо сказать, что Колька был очень увлекающимся человеком и, если что ему взбрело в голову, то он немедленно пытался воплотить это в реальное дело.

Я только переоденусь и сразу к тебе. Лады?

Лады, – кивнул довольный приятель.

Дома, быстро съев булку с колбасой, я прихватил доску и помчался к другу на пятый этаж. Колька даже не снял форму. Впустив меня, он побежал к окну, на котором лежала его доска, и схватил увеличительное стекло. На доске карандашом был наспех нарисован простенький рисунок – ромашка. Один лепесток был уже выжжен.

Слишком медленно, – досадливо молвил Колька, – да и солнце то и дело прячется за облаками.

Куда торопишься? – я сел за кухонный стол, взял карандаш и стал думать, что же мне нарисовать.

Погоди. Я сейчас.

Колька вихрем сорвался с места и исчез за дверью. Заинтересованный, я пошел за ним. Заглянул в спальню, там его не было, в зал – там тоже никого.

Коля, ты где?

Тут раздался приглушенный голос из-под кровати, а вслед за этим показались его ноги. Извиваясь, словно червяк, Колька выполз оттуда, таща за собой пыльный ящик.

Вот, нашел! – он пошуровал в ящике и извлек оттуда большой и длинный гвоздь.

Теперь дело быстрее пойдет, – сказал он, довольный своей находкой, и снял с длинного своего носа паутину.

Тогда и мне давай.

Держи, здесь этого добра хватает.

Теперь я сделаю в рассказе небольшое отступление, чтобы вам было понятно, что произошло дальше.

...Месяц назад мы с мамой ходили на концерт, где выступал гипнотизер. Он показывал всякие фокусы, но самое интересное было в конце. Гипнотизер попросил всех, сидящих в зале, сжать руки в «замок» и сказал:

Сейчас я посчитаю до десяти, и те из вас, кто не сможет разжать руки, выйдите на сцену.

Мы с мамой сжали руки и стали смотреть на гипнотизера.

Один, – начал он счет, – ваши руки крепко сжаты. Два. Они крепко склеены. Три. Они составляют единое целое.

Лицо у него стало сосредоточенным и хмурым. Гипнотизер смотрел в зал и делал руками пассы. Было похоже, что он плавно дирижирует оркестром.

Пять. У вас нет сил их разжать. Шесть. Вы не можете их разжать. Семь...

Он убеждал нас, что мы, как бы этого ни хотели, не сможем разжать руки.

Наконец сказав «десять», он хлопнул в ладоши и почти крикнул: «Попробуйте разжать!».

Я со страхом разжал свои руки и медленно их развел. То же сделала мама.

Вот видишь, ничего не получилось, – сказала она улыбаясь.

Между тем на сцену повалил народ. Встала наша соседка с округлившимися от испуга глазами и вытянутыми вперед сжатыми руками.

Через пять минут на сцене собралось человек двадцать. Гипнотизер подходил к ним, что-то шептал на ухо, потом резким, но несильным ударом ладоней разбивал их «склеенные» руки.

Вышедшие на сцену охали, ахали и качали головами, глупо улыбаясь. После этой процедуры гипнотизер оставил пятерых и стал показывать опыты.

Тощего, длинного паренька он усыпил шлепком ладони по лбу и положил на два стула. Парень лежал как бревно. Пятки на одной спинке стула, затылок – на другой, а тело висело в воздухе.

Гипнотизер попробовал паренька на прогиб и вдруг уселся ему на живот. И что бы вы подумали! Пареньку-хоть бы хны. Как лежал бревном, так и остался лежать.

Довольный гипнотизер на нем подпрыгнул и заулыбался в зал, чем вызвал бурные аплодисменты.

Полной тетеньке он внушил, что она – Алла Пугачева. Тетенька изменилась прямо на глазах. Она встряхнула своей шевелюрой, ну совсем как известная певица, и смешно подтанцовывая, стала петь про «миллион алых роз».

Было много еще разных интересных вещей, но в конце меня поразило следующее: гипнотизер дал в руки пареньку, который вначале лежал на стульях, обыкновенный карандаш и сказал ему, что сейчас досчитает до трех и этот карандаш превратится в раскаленный гвоздь. Так все и произошло. Как только он сказал: «Три!» – парень вскрикнул, выронил карандаш и стал отчаянно трясти руками, попеременно на них дуя.

Теперь вы понимаете, что мне пришло в голову, когда я увидел вытащенные Колькой гвозди.

Я решил, что пусть Колька начинает выжигать раскаленным гвоздем узор, а после того, как гвоздь несколько раз будет им использован, я после очередного нагрева металлического стержня незаметно подменю горячий на совершенно холодный и попытаюсь не сразу отдать его Кольке, а задержать в своих руках и как бы случайно, по неосторожности, прикоснуться гвоздем к его руке. Поскольку мой приятель будет уверен, что у меня в руках горячий гвоздь, то эта уверенность сработает как внушение, и он должен будет «обжечься». Так я сам, перепутав однажды кастрюли на газовой плите, взял совершенно холодную и, думая, что это горячая, очень натурально обжегся.

Я все так и сделал. Подошел к газовой плите и, закрыв видимость Кольке своей спиной, вместо раскаленного гвоздя сунул в плоскогубцы холодный. Развернулся и, все так же закрывая телом плиту, подошел к другу.

Давай, – протянул он руку к плоскогубцам, в которых был зажат холодный гвоздь.

Держи, – сказал я и резко прижал гвоздь к ладошке приятеля.

А-а-а! – взвился Колька со стула и как ошпаренный кинулся к мойке, открыл кран с холодной водой и сунул под нее руку. – Ты что, с ума сошел? – спросил удивленно он, опасливо на меня посматривая.

Смотри, – сказал я, улыбаясь, довольный тем, что мой опыт удался, и прижал гвоздь к своей руке. – Он абсолютно холодный, можешь попробовать, – и протянул Кольке гвоздь.

Он недоверчиво тронул его пальцем, как пробуют утюг, потом взял в руку.

Смотри-ка! Действительно холодный.

Колька вынул руку из-под воды и поднес ее к глазам.

Но откуда же у меня краснота появилась?

Я рассказал ему описанную выше историю про гипнотизера, а он долго удивлялся, в недоумении трогая холодный гвоздь.

Ну надо же! – говорил он, качая головой, а мысли его были уже далеко-далеко. Колька думал, с кем бы провести подобный опыт.

Три капельки йода

На ходу дожевывая бутерброд, Женька выскочил на улицу. Колька сидел у подъезда на лавочке и задумчиво ковырял носком ботинка землю. Рядышком сиротливо лежал портфель.

– Пошли, я готов.

Колька с кислой миной встал, подхватил портфель и двинулся за другом. Раннее солнце светило им в спину, а свежий ветерок быстро прогнал остатки той нежно-томной лени, которая не смывается водой, а пропадает лишь на улице, как бы спохватываясь, что ей не по пути с вами.

Некоторое время друзья шли молча, потом Колька, тяжело вздохнув, сказал:

– Жень, я сегодня не пойду в школу.

Женька от неожиданности остановился:

– То есть как? Почему?

– Сегодня контрольная по математике...

– Ну и что?

– Как что? Не готов я к ней, а «пару» получать не хочется.

– Ну ты и даешь! Что же ты потом в школе скажешь? Ведь нужна будет какая-нибудь справка.

Колька в задумчивости почесал затылок:

– А я притворюсь больным, вот мать и напишет записку.

– Интересно, а как это ты вдруг заболеешь?

Колька вздохнул:

– Попробую одно средство. Мне кто-то рассказывал, что нужно на кусок сахара капнуть три капельки йода и съесть его.

– И что будет?

– Температура будет, вот что.

Женька с сомнением покачал головой:

– Ну-ну. Давай экспериментировать, а я побежал, не то опоздаю.

– Ты хоть зайди ко мне после школы, – обиженно попросил Колька.

– Зайду, – обронил приятель.

Расстроенный Колька еще несколько минут постоял, как будто взвешивая все «за» и «против», потом вспомнил о контрольной, и лицо его скривилось, как от зубной боли. Он еще раз глубоко вздохнул, развел руками, как бы говоря сам себе: «Ну что тут поделаешь? Придется заболеть», – и повернувшись, понуро побрел домой.

Школьный день для Женьки прошел быстро, и он, сгорая от любопытства, побежал домой. Колька был уныл и мрачен. Он раз пять попробовал свое средство, но ожидаемых результатов оно не дало.

– Чертов йод, – бубнил он под нос, в отчаянии шагая по комнате. – Я уж по-всякому пробовал. И три, и четыре, и даже шесть капелек капал. Хоть бы хны, только горло сжег. Теперь глотать больно. Что же делать?

Женька хмыкнул и нравоучительно изрек:

– В школу идти надо было!

– Да ладно тебе. Ты путное что-нибудь скажи.

Женька устался в потолок. Приятель с надеждой смотрел на него. Наконец, тот опустил глаза.

– Наливай в ванну холодную воду!

Мощная струя с шумом ударила в дно и стала быстро заполнять ванну. Колька скинул немудреное свое барахлишко и встал в воду.

– Холодная, – сказал он, поморщившись, и как-то жалобно посмотрел на приятеля.

– Ничего, ничего, – подбодрил Женька и отечески похлопал его по плечу. – Ты не стой, а давай ложись.

Колька с визгом погрузился в воду, глаза его выпучились, дыхание сбилось. Он попытался было выскочить из ванны, но предусмотрительный Женька властным движением руки остановил друга.

– Лежать! Терпи, сейчас привыкнешь.

– А долго? – пролепетал быстро синеющими губами тот.

Женька, не моргнув глазом, тут же выпалил:

– Думаю, полчаса хватит.

– Да ты что! – встрепенулся Колька. – Я за полчаса околею в этой ванне. И будет вместо больного труп.

– Ну, это ты перегибаешь, – рассудительно заметил Женька, усевшись на край ванны и закинув ногу на ногу. – Теперь вот что. Я сейчас сбегая за мороженым. Где у тебя деньги?

– А мороженое зачем?

– Нужно, чтобы твой организм переохладился. Вот тогда заболеешь. Понял?

Колька покорно кивнул.

Сбегать за мороженым было делом недолгим, и вскоре Женька, примостившись на краешке ванны, скармливал его Кольке. Челюсти «больного», выбивавшие частую дрожь, с трудом размыкались, принимая щедрый кусок пломбира.

– Г-г-гос-по-ди, – хрипел Колька, давясь мороженым, – зачем ты его столько накупил?

– Ешь, ешь, не разговаривай, – говорил Женька, отправляя в рот приятеля очередную порцию. После четырех брикетов Женька сжалился:

– Вот теперь, пожалуй, отдохни. А я попробую, чем это я тебя кормил, – он развернул очередную пачку мороженого и не спеша стал есть.

Скукожившийся в воде Колька с отвращением смотрел на друга. Тело его периодически сотрясалось от дрожи, губы из синих превратились в фиолетовые. Женька не спеша доел последнюю пачку и величественным жестом кинул обертку в ведро.

– Все. Вылезай. Если теперь ты не заболеешь, то я – лопух.

Колька пробкой выскочил из ванны, схватил полотенце и побежал в комнату.

– Жень, а когда температура поднимется?

– погоди, не все сразу. Ты сначала согрейся. Ложись, я тебя укрою.

Мальчишка послушно лег, Женька накрыл его теплым ватным одеялом, а сверху добавил покрывало со стоявшей в другой комнате кровати.

– Ладно, «больной», мне прохладиться некогда. Пойду готовить уроки. Как сделаю, приду. А ты примерно через полчаса померь температуру. Пока!.. – и Женька хлопнул входной дверью.

Через два часа, дописывая последний лист домашнего задания, Женька услышал звонок. Он открыл дверь и увидел взбешенного Кольку. Тот вихрем ворвался в квартиру и схватил приятеля за грудки.

– Где твоя температура, советчик чертов! Через полчаса придет мать. Что мне теперь делать?

– Спокойно, спокойно, – Женька с трудом освободился из цепких рук приятеля. – Ты хочешь все сразу, а так не бывает. Вот увидишь, к вечеру поднимется.

– Мне сейчас надо, а не к вечеру! Почему сейчас ее нет?

Женька неопределенно хмыкнул:

– Наверно, ты закаленный, – и немного помолчав, добавил: – Или я мало тебя в ванне продержал.

– А-ах! – Колька махнул рукой. – Пойду лечь и к приходу матери испробую старый дедовский способ – градусник в горячий чай.

– А не заметит?

– Семь бед – один ответ,.. – и Колька скрылся за дверью.

...Новое утро было хмурым. Собирались тучи, обещая скорый дождь. Женька с портфелем в руке выскочил на улицу и увидел друга. Он, как всегда, сидел на скамейке и ковырял носком ботинка землю. Одиноким, замызганным портфель валялся рядом. Увидев Женьку, Колька молча встал, приложив руку к правому опухшему уху, и они, так и не проронив ни слова, двинулись в школу.

Утопленник

Женька и Колька шли по пыльной грунтовой дороге, разрезающей небольшое пшеничное поле. Обувь болталась на плечах мальчишек, босые ноги обжигала дорожная пыль. Налитые желтые колосья слегка покачивались от тихого дуновения ветра и издавали сухой стук. Колька остановился и оторвал макушку с зерном. Не спеша растер в ладонях и подул, освобождая зерна от плевел. Затем отправил их в рот и с наслаждением зачавкал.

– Поспела, – сказал он в пространство, потому что Женька ушел далеко вперед, и кинулся догонять приятеля.

Мальчишки шли на озеро купаться. Стоял жаркий август, и полуденное солнце палило вовсю. Небо было окрашено в тот пронзительно-синий цвет, который бывает только в конце лета. Цветущее разнотравье яркими языками пестрело среди пшеницы, и казалось, что поле невзначай забрызгали разноцветной краской. За поворотом дороги блеснула водная гладь, и друзья зашагали быстрее.

Подружились они недавно, когда переехали в новый шестиподъездный панельный дом. Женька жил на первом этаже, а Колька на пятом. Дом стоял неподалеку от леса. Во дворе его было неуютно, около подъездов громоздилась развороченная земля. И поэтому мальчишки все свое свободное время проводили, играя в лесу или до одури купаясь в озере.

Внешне они сильно различались. Женька был худым и высоким, с жесткой, как проволока, копной темных волос. Треугольные брови обрамляли упрямые карие глаза, несколько смягчали их курносый нос, маленький аккуратный ротик и ямочка на подбородке.

Колька был пониже ростом. Предметом его неустанных забот были сильно оттопыренные уши, которые он постоянно приглаживал, стараясь придать им приличную форму. От этого, наверное, он носил длинные волосы, жиденькими прядями трепыхающиеся по ветру, стараясь скрыть ими досадную оплошность природы. Примечательным был и его нос, большой и хрящеватый, спускавшийся на сильные, четко очерченные губы. Глаза его были василькового цвета в мелкую серую крапинку.

Подростки познакомились и сошлись быстро. Вскоре дружба их окрепла, и когда дом был полностью заселен, они были неразлучны в шумной компании прибывшей детворы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.